

О КОМ ГОВОРЯТ

Пока земля еще вертится...

Век. - 1997, - № 21.
- с. 1

Даниил ДАНИН

...В праздничный вечер 12 июня по всем телевизионным каналам — нежданная-негаданная тревожная весть из Парижа: там, в реанимационной военного госпиталя, лежит Булат Окуджава — ему плохо. И голоса дикторов не скрывают: ему очень плохо — врачи отказываются от прогнозов.

Началась вечерняя телефонная переключка друзей: неужели его не станет? Неужели там, в Париже, сейчас уходит от нас всего только семидесятилетный гений поэзии-музыки, всегда казавшийся нетленным?! Неужели нынешней ночью в далеком далеке от Москвы две странички вечных —

любовь и разлука
поделится с нами сполна...?

Поделились! Рано утром оповестил об этом телефонный звонок приятеля. И вот уже надо продолжать свое стариковское житье-бытье, делать свои дела и предаваться своему безделью с неотторжимой мыслью, что Булата Окуджавы — великого мастера жизни и великого утешителя — больше на свете нет.

Выползли на бумагу эти три слова «нет на свете» — и тотчас стало ясно, что они — поминальный вздор. Как же «нет», когда он ЕСТЬ — и не просто в своих книгах, магнитофонных записях, видеокассе-

тах, а в наших ДУШАХ! В миллионах наших навсегда ему благодарных, еще живых и любящих его душ...

Почти двадцать лет назад он написал музыку-стихи, которых рано или поздно не мог не написать, — «Песенку о Моцарте»:

...Моцарт отечества
не выбирает —
просто играет всю
жизнь напролет.

...Ах, ничего, что всегда,
как известно,
наша судьба — то гульба,
то пальба...
Не расставайтесь с надеждой
маэстро,
не убирайте ладони со лба.

Он никогда не расставался с надеждой, как бы худо ни бывало ни ему самому, ни его отечеству. И думаю, он создал свое моцартианство, а мы — его современники — это моцартианство ощущали в нем непрерывно. Поражались его одаренности и единственности. И всегда хотели, чтобы не убирал он ладони со лба: всегда ждали «нового Окуджаву» — еще, еще, еще... Когда он пел под тихую свою гитару, всем жаждалось, чтобы вечер не кончался и не одолевала его усталость...

ЕДИНСТВЕННОСТЬ — это, пожалуй, самое существенное, что хо-

чется кратчайше сказать о его музыкально-поэтическом даре. Он писал еще превосходную прозу, но тут был сравним с другими мастерами нашей литературы. А в поэзии-музыке почти полвека оставался несравненным и не сравнимым ни с кем. Он не принадлежал ни к какой школе, ни к каким направлениям, ни к каким «измам». Он принадлежал только самому виду Homo Sapiens. И был действительно ЧЕЛОВЕКОМ МЫСЛЯЩИМ. Нетривиально, не «как положено», не как все! И воистину удивительный: он, единственный, пришедший в нашу поэзию и музыку, право же, неизвестно откуда, привел за собой целое поколение бардов, чьи имена делают честь и ему: Александра Галича, Владимира Высоцкого, Новеллу Матвееву. Уверен: их не было бы, если бы вначале не было его.

И эти несколько поминальных строк о нем надо, конечно, завершить его незабвенными строками. Выбор замечательного так широк, как ни у одного современного поэта. Я приведу строки, написанные в 1963 году в ознаменование 500-летия исчезновения в неизвестности гениального бедолаги Франсуа Вийона:

Пока Земля еще вертится,
пока еще ярок свет,
Господи, дай же ты каждому,
чего у него нет...
Пока Земля еще вертится, —

господи, твоя власть! —
дай рвущемуся к власти
навластвовать влать...
Я знаю, ты все умеешь.
Я верую в мудрость твою,
как верит солдат убитый,
что он проживает в раю.
Как верит каждое ухо
тихим речам твоим,
как веруем и мы сами,
не ведая, что творим!
Господи, мой боже,
зеленоглазый мой,
Пока Земля еще вертится,
и это ей странно самой,
пока еще ей хватает
времени и огня,
дай же ты всем понемногу...
и не забудь про меня.
Милый Булат, вслед за зелено-
глазым Господом мы не забудем
Вас, пока будем вертеться вместе с
Землей.